

Культ святых мест – *Ауля* у ногайских (юртовских) татар в окрестностях г. Астрахани: имена мусульманских святых и названия их почитаемых захоронений

Культ святых, существующий в исламе, многогранен и многослоен, он включает целый ряд конкретных элементов и образует свою ономастическую систему (имена самих святых людей, названия их почитаемых могил, природных объектов, с этими персонажами связываемых, населенных пунктов, находившихся в орбите этого культа и т.д.).

У народов, подвергшихся влиянию мусульманства и воспринявших это вероучение, культ святых (персонажей и мест) проявляется практически во всех концах исламского мира, составляет интересное и своеобразное явление, всегда с глубокой спецификой – общей и региональной. Он имеет, кстати, весьма неоднозначную связь с ортодоксальным, кораническим канонem, и, как правило, сохраняет в себе массу местных домусульманских традиций, предыдущих форм верований.

Поэтому на материалах культа святых есть возможность проследить многослойный синкретизм народных верований, их отражение в языке и названиях, стадийные (по «наследству» этноса) и ареальные (по «соседству» этносов) факторы, этноконфессиональный субстрат и соотнесенность с конкретными историческими событиями.

В данной статье рассматривается нижневолжско-прикаспийская форма исламского культа святых (в частности, священных объектов, могил), характерная для Астраханского края¹. В силу обстоятельств она не обрела здесь такого распространения и четкого оформления, как в других исламских регионах, носила еще и скрытый характер, в результате чего оказалась крайне скудно освещенной ис-

точниками и а научном плане почти не исследованной (в том числе и в отношении ономастики).

Это этнорелигиозное явление в низовьях Волги – наиболее давнее и традиционное, в первую очередь, для астраханских юртовцев, потомков кочевых ногайцев, обитавших до середины XVI – начале XVII вв. в бассейне р. Урал (Яик, Джайек), перешедших из степей под защиту российской крепости в низовьях Волги (Идели), а также пополнивших их состав миграцией оттуда же в течение XVII–XVIII вв. воинственных едисанцев, или джетисанцев. Это население ныне насчитывает до 20 тыс. чел. в восьми поселениях пригородного Приволжского района, с. Солянка (Сулянка-аул) на самой границе Астрахани и двух микрорайонах города (Мошаик и Зацарево-Нариманово).

Основные данные, приводимые далее, были собраны, прежде всего, у их потомков в указанных местностях. Так, в полевой этнографической работе по Астраханскому краю 1987-1988 гг. автором сообщения были выявлены три рукописных перечня местных «святых мест – ауля», арабским алфавитом на местном татаро-ногайском диалекте, которые хранились в пригородных селах самыми уважаемыми мужчинами-старожилами, записаны устные сообщения и фольклорные сюжеты. Всего выявлено было 29 «святых мест», в т.ч. пять-шесть активно действующих (преимущественно, вблизи Астрахани и даже в ее пригородах)².

В тот же период была обработана и сдана в Госархив Астраханской области рукопись И.М. Махмудова, выпускника медресе, затем красногвардейца и видного общественного деятеля края в 1920-х–1930-х гг. «Жизнеописание. Свой добрый век...», содержащая важнейший личный материал прежнего участника почитания *ауля* и массовых ритуалов (*зияратов*) на них, очевидца служения зрителей-нищих (*мужавиров*), часто считающихся потомками святых³.

Об *ауля* известно, что возникли они как целостное явление в период оседания астраханских ногайцев (XVIII – начале XIX) вв., хотя два-три *ауля* проявляют золотородынскую и, возможно, более глубокую древность (очевидно, это они служили «образцовыми» для более новых). Культ некоторых из них воспринят и иными исламскими этносами (татарами-переселенцами, ногайцами-карагашами, туркменами, казахами, дагестанцами-аварцами и др.).

Хотя развитие астраханских тюркских этносов не обладает последовательностью и не образует «автохтонности» со времен Орды и ханства, о некотором «конфессиональном континуитете» именно в связи с культурами *ауля*, допустимо вести речь.

Но, к сожалению, астраханский сюжет об исламских святых местах оказался новым и почти не известным науке, поэтому многие реалии этого явления традиционной бытовой религиозности утрачены безвозвратно. Исследования его разворачиваются лишь сейчас. Но об отдельных объектах почитания упоминали ученые и путешественники XVIII в. (В.Н. Татищев, П.С. Паллас, Я.Ю. Потоцкий). А термин «*ауля*» (мн. ч. от араб. «вали» – «спутник, покровитель») был введен в 1927–1929 гг. московским студентом, изучавшим астраханских тюрок В.Д. Пятницким. Частные данные об этом культе имеются в книге религиоведа Н.М. Маторина (1929 г.)⁴.

Этот культ скрывали от непосвященных, скептически принимали его в мечетях. Многие *ауля* подвергались тайному переносу (ритуал его, повторяясь из века в век, неизвестен ученым), что обычно уменьшало в сознании верующих силу и влияние каждого из таких «мигрировавших» святых мест.

Но интерес к данному примогильному (в основе – суфийско-дервишескому) культу в последние 15 лет резко возрос (как у самого населения, так и у ученых), лояльнее

становятся к нему местные власти и даже мечеть. А «суммированный перечень» *ауля*, в апреле 2001 г. впервые открыто вышел в областной печати.

С точки зрения ономастики, все личные антропонимы и имена и топонимы имеют смешанное, тюрко-кыпчакское и арабо-мусульманское происхождение. Нередко возникают «смешанные» формы: исходное арабское слово изменяет произношение, приобретает новое значение или к древнему кыпчакскому («языческому» – из кочевого шаманизма) имени, прозвищу, добавляется еще одно, из мусульманского именослова. В силу этого «дополнительные» обозначения (тителатура, сравнения, прозвища и др.) представляют особый интерес.

Сам термин *ауля* (араб. эвлие) – это название и святых мест, и самих праведников, здесь погребенных. Ранее бытовало, как позволяет утверждать собранный материал, в качестве синонима еще одно слово *машаяк*, *машаик* (араб. *машайху* – «места шейхов») – ср. топоним «Мошаик» с комплексом святых мест за околицей и *ауля* «Акрам-Машаяклы» на гор. кладбище, в совсем ином направлении.

В титулатуре святых выделяются форманты *ата* – «отец», *баба* – дед и еще *адже* (видимо, любопытная комбинация из араб. *хаджи* – «паломник-праведник» и др.-тюрк, шаманск. *эйе*, *эдже* – «дух-хозяин местности»).

Самым древним, относящимся к временам тюрко-кыпчакского доордынского и доисламского шаманизма, следует считать *ауля Ёряк (Ёрдяк)-адже* (тат. «дед-призрак», ног. «дед-утка») у небольшого целебного озера с незамерзающей красного цвета водой, под названием *Тарат-куль* (араб. *та'арат* – ритуал омовения)⁵.

Некоторые фольклорные сюжеты, черпающие истоки в знаменитом кыпчако-ногайском эпосе «О сорока батырах», до сих пор существуют будучи связаны с данным местом. Таково предание о волшебной птице – говорящей ут-

ке, которая прежде, якобы, часто прилетала на это озеро и купалась в его священных водах.

Это *ауля* в правобережье Волги, в 30 км от Астрахани по пути в Калмыкию и на Кавказ. От кыпчаков-половцев и калмыков лечебное использование воды этого озера и его почитание перешло с конца XVIII в. к ногайцам, так называемым утарам-алабугатцам – полукочевой группе юртовцев. Сейчас оно поддерживается новыми поселенцами, скрывшимися здесь в 30-х гг. XIX в. – татарами-мишарями соседнего с. Янго-Аскер (букв. «Новый воин», иначе – *Солдат авылы*, т.е. «солдатское село»), потомками беглых рекрутов-мусульман из царской армии Николая I.

Характерно позднее исламское вкрапление в почитание ауля *Ўряк-Ўрдяк* – дополнительное имя *Ахун-Нурмухаммед*, или *Нурахмед* (очевидно, связанное с памятью о первом известном суфийском лидере тюрок Средней Азии XI–XII вв. Ахмед-хаджи Ясави), а также использование терминов *та'арат* и *зиярат*.

С периодом принятия кочевыми тюрками суфийско-дервишеского ислама к XII – началу XIII вв. связано знаменитое ауля *Тукли-баба Шашлы-адже* (с мусульманской приставкой *Абдрахман*, или *Абдрахим*), чье имя до 1931–1932 гг. носило большое кладбище (*Тукли-баба*) на месте нынешней судоверфи, затем оно было ликвидировано, а останки Тукли-Шашлы ночью, тайно перенесены от места стройки на находящийся вблизи Мошаик, где они пополнили «комплекс» из пяти святых могил. Небольшой бугор, где все они расположены а один ряд за каменной стеной, так и называется иногда *Адже-тюбе* (Р.У. Джуманов).

Имя упомянутого героя широко известно среди народов тюрко-кыпчакского корня: в преданиях башкир, заговорах нынешних женщин-шаманок (*баксы*) на границе Казахстана и Узбекистана. Но главное – что этот «дед мохнатый-волосатый (*тукли-шашлы*)», иначе *Баба-Туклес Шашлы-*

Азиз – шаман, принявший ислам и боровшийся за новую веру, живший примерно в конце XII в., является в ногайском эпосе родоначальником «Сорока батыров», прадедом основателя ногайской орды эмира Эдигея. В этой связи почитался Туклес и обрусевшими князьями Юсуповыми, Урусовыми, Тинбаевыми.

Фрагменты ногайского героического эпоса были записаны у юртовцев под Астраханью и опубликованы (в 1842 г., в английском переводе) востоковедом и дипломатом А.А. Ходзько, посещавшим Нижнее Поволжье. Но к этому времени – концу XVIII в. – середине XIX в. (описания С.Г. Гмелина и П.И. Небольсина) – целостное бытование эпоса здесь уже уходило в прошлое, как и непременно сопровождавший его священный музыкальный инструмент – *кобыз*. Легендарный Туклес и похороненный вблизи Тукли уже воспринимались юртовцами как два разных персонажа. Так же и нынешние астраханские потомки ногайских мурз Урусовых-Исхаковых, Тимбаевых, Ямгур(ч)еевых знают о Тукли-баба, но никак не в связи с собственной генеалогией⁶.

Уже к временам Золотой Орды и распространения в ней не только суфийского, но классического ислама относятся ауля «*Фахар-ханым*» (памятник археологии в нижней части дельты), а также «*Джегет-Джайдак-ата*» (т.е. «отец-витязь, конник, всадник», с добавлением исламского имени «*Вазиз*»). Предание, с ним связанное, продолжает ногайско-кыпчакский эпический сюжет о волшебном крылатом коне – «*тулпаре*».

Это ауля – еще золотоордынское, оно находилось в черте городища Сарай-Бату (Сарай-ал-Махруса), первой столицы Орды и активно действовало в течение XVIII в., и почиталось посещавшими его юртовцами, и приведенными калмыками с Кубани другими ногайцами – кочевниками-карагашами (см. о них далее). По словам В.Н. Татищева

(переписка от 20–29 ноября 1741 г.), это место почитания мусульманами, «о котором они многие басни чудес рассказывают»⁷. Застал его руины (очевидно, незадолго до переноса) в 1927 г. и В.Д. Пятницкий.

Но согласно более поздним спискам-перечням, составленным в сер. XX в. и собранным нами, данное ауля обозначено гораздо ближе к Астрахани. Местонахождение ауля *Джигит-адже* (иначе – *Джигит* = *Джайдак-ата*) указывается здесь на 240 км южнее, при слиянии рек Болда и Кутум, на холме Ак-тюбе (по-русски, – Хлебников бугор), вблизи юртовских сел Килинчи и Три Протока. Значит, перенос состоялся в самом начале 1930-х годов, практически одновременно с перемещением ауля *Тукли-баба*.

Перенесенное также тайком (факт этот не зафиксирован), ближе к Астрахани к 1960-м годам это святилище стало постепенно забываться, внешне оно уже почти не заметно. В семье *мужавиров* этого ауля остались лишь женщины, проживающие в Килинчах. От них и записано характерное предание «волшебный полет» – о «моментальном перемещении в пространстве». На вершине холма всадник *Джигит* – *Джайдак* закрывал глаза и чудесным образом сразу оказывался прямо в Мекке.

Носящая несколько неблагозвучное на русский слух название, широкая река «*Балда*» (тюрк. «*балды*, *баллы*» – «медовая»), приток Волги, протекающая мимо Мошаика и Килинчей, на стрелке которой было перенесенное ауля «*Вазиз Джегет* – *Джайдак*» так же включена в цикл преданий о святых местах мусульман.

Выделяется категория «предроссийских» ауля, как, например, *Кара Дауд*, оказавшееся на территории астраханского Кремля. Оно осталось в списках, но место его не обнаружено и известно лишь приблизительно (даже старейшим из приверженцев культа). Таковые нуждаются в дополнительном изучении, включая археологическое.

Исходная вероисповедная концепция для культов *ауля* (и целостное этноконфессиональное явление в других частях мусульманского мира), неортодоксальное ответвление ислама – суфизм-дервишизм не приобрел в Астраханском крае адекватного идейно-оформленного состояния (хотя отклики имел, в том числе и в стихах знаменитого поэта-новатора В.В. (Велимира) Хлебникова).

Но связи Нижневолжья с крупными суфийскими центрами (в Средней Азии и Закавказье) не прерывались со времен Хаджи Ахмеда Ясави и воспроизводились многократно. Отдельные уроженцы Туркестана – суфии, попадавшие сюда, пользовались большим уважением у юртовцев, и несколько *ауля* посвящены именно им. Их особый титул *шейх* окончательно заместил прежнее обозначение *машайх* и вообще (кроме мусульманско-образованной части общества) уже почти не ассоциировался с ним.

С обитателями крупного Бухарского торгового двора в г. Астрахани (возник на рубеже XVII–XVIII вв., сохранились потомки этих *«сарт-бухарлык»* среди городских татар, начинается реставрация их Черной мечети и медресе рядом) может быть связан образ шейха Маслетдина Узаман-хаджи Бухари, или Бухарли, похороненного сейчас рядом с Абдрахимом Тукли-баба за Мошаиком.

По преданию, записанному в 1920-х гг. Н.М. Маториным, этот святой приплыл в Астрахань из Средней Азии «по воде» (значит, по Каспию, а затем р. Балде) в бочке, залитой воском⁸.

Другой шейх, Абубекер Кара-Укар Хызыр-ата Туркестани погребен на живописном бугре *«Акбараклы-тюбе»* (перевод микротопонима – «холм белой жертвы») за селом Яксатово (Майлегуль), где проживал некогда сильный юртовский род *«кыпчак»* (*«кымчак»*). Еще один – Мансур-ата Куганни – покоится в ауля на другом от Яксатова берегу реки Кизань, на кладбище села Татаро-Башмаковка.

Загадкой является упомянутое в списках, но ныне не прослеживающееся название ауля «*Бурабутта*» («*мара-бут*» – арабо-магрибское, диалект., сев.-афр. соответствие обозначения суфиев, дервишей и мюридов).

Самое почитаемое сейчас на кладбище Мошаика ауля *Махмуд-ишан* (*Махмуд-эфенди*), которому поклоняются, в большей мере, шафииты-сунниты (живущие в Астрахани и приезжающие аварцы, даргинцы, чеченцы), связано с уже вполне историческим персонажем. О нем не сложилось специальных легенд и преданий, но известно, что сослан он был в Астрахань (умный, добрый и образованный человек) в XIX в. за сочувствие движению Шамиля: и был он действительно одним из духовных лидеров – *ишанов* того же мюридского вирда (ордена) *Накишбенди*, что и сам имам Шамиль. В Астрахани живут сейчас потомки ишана Махмуда от его брака с местной татаркой.

Несколько раньше, в конце XVIII – начале XIX вв. оформился ставший широко известным «комплекс» ауля на самой границе Красноярского района Астраханской области с Республикой Казахстан. Он был создан по «юртовскому» образцу, но поклонялись ему, прежде всего, кочевники и полукочевники: ногайцы-карагаши (особенно, после перенесения к городу ауля «*Джигит – Джайдак*») и прикочевывавшие в эти места в 1801 г. казахи внутренней Букеевской орды.

Святая могила карагаш-ногайца Сеит-баба́ Ходжатайлы (Ходжетаевского), жившего в XVIII в., и его дочери Нур-Джамал (XIX в.) имеет уже полулегендарный характер, напоминая сюжеты древнего эпоса. Сеит-баба́ жил на природе, среди зверей – дружил с ними, пользовался их помощью и понимал их язык. Рядом с ними завещал похоронить себя Букей-хан, как раз приведший орду казахов под Астрахань и основавший Внутреннюю орду казахов в Нижнем

Поволжье (по родословным-шеджере, он был чингизидом степной династии)⁹.

В расположенном рядом карагаш-ногайском селе Малый Арал Красноярского района живы потомки святого (преимущественно, женщины), длительное время выполнявшие роль *мужавиров* и хранителей традиции. С начала 90-х гг. это *ауля*, чуть было не уничтоженное немногим ранее, стало местом активнейшего поклонения астраханских и казахстанских мусульман. Сооружения на могилах реставрированы, здесь начал развиваться современный гостиничный комплекс, ведется речь о туристическом центре.

Создание туристской, а в дальнейшем и лечебной индустрии вокруг некоторых *ауля* составят новые реалии этого культа, что может отразиться на разных направлениях региональной ономастики завтрашнего дня.

В прежние же времена особое явление, связанное с культом *ауля* составляли *зияраты* – ежегодные поминально-ритуальные праздники на могилах святых. Это арабское слово («посещение, паломничество») приобрело, соответственно, более специальное значение. Имеются описания таких *зияратов* в 1920-х гг. (Н.М. Маторин), указание, что лучшим временем для них считался конец июня – дни солнцестояния и половодья (И.М. Махмудов, 1914 г.). При этом земля и вода с *ауля*, особенно собранные при *зиярате*, считались священными и целебными, наделялись магическими свойствами.

Другая реалья, дожившая (как оказалось недавно) в сознании активной части местных мусульман и до наших дней – это «мотив скрытого переноса» астраханских *ауля* с одного места на другое. Как говорилось выше, почти одновременно в начале 1930-х годов были перемещены *ауля Тукли-баб* и «*Джигит – Джайдак-адже*. Но еще раньше, в 1920-х годах в юртовском селении Зацарево (Нариманово) – бывший райцентр, ныне микрорайон г. Астрахани подверг-

лось миграции женское *ауля*: *Мугульсун-кыз* (имя – из араб. *Умм-Кульсум*). Со двора дома, где она была похоронена и жили ее потомки, могилу перенесли на большое ближнее кладбище, рядом с двумя другими *ауля* – могилами мужчин-святых. Ночью в 1987 или 1988 г., в городской черте правобережья, вблизи квартала новостроек «пропало» другое женское *ауля* *Нур-бия Гюзель-ханым*. Несколько лет оно покоилось в неизвестном месте (распросы о нем не дали никакого результата), а в 1996 г. обнаружилось ... на территории только что открытого Исламского центра в ближнем юртовском селе Солянка.

Картографирование астраханских *ауля* пока еще не производилось, но топоним обычно переносился вместе с перемещаемым объектом. Исключение составляет лишь женское *ауля* *Мугульсун* – почитается и новое, и прежнее место ее погребения.

Можно считать, что традиция «тайного переноса» святылища бытовала на протяжении веков в сознании приверженцев культа *ауля* и реализовывалась по необходимости. Однако роль, сила и значение последних, в таких случаях, заметно и значительно падали, как это случилось с *ауля* *Тукли-баба*. Можно попытаться выделить (на недавних примерах) мотивировку таких перемещений.

Так с миграцией *ауля* *Тукли* связан следующий рассказ, видимо, отражающий отдельные реальные факты. Некоторые мошаикские старожилы – современники события – повествуют об этом так. Одному жителю Мошаика приснился сон, что Баба-Тукле просит его: «Ради Аллаха, перенеси мои кости в другое место, ведь я могу остаться под ногами кафиров (неверных – *В.В.*)». Извозчик-татарин (по другим версиям – мулла) и его жена, под покровом ночи отрыв могилу, перенесли останки святого на Аджетюбе¹⁰.

Можно считать, что в цикле преданий (эпических, затем производных от них и, наконец, новых, бытовых рас-

сказов) о Тукле – *Тукли* возник еще один – оригинальный астраханский сюжет.

С ликвидацией кладбища *Тукли-баба* его «титульная» могила на новом месте утратила прежнюю роль преимущественного объекта почитания. Эпос «Сорок батыров» был забыт, а особые предания о Тукли-баба (даже о переносе его могилы) тоже мало кто помнит. Во всяком случае, как уже обращалось внимание, исторические потомки Туклеса и Эдигея – главы семейств Урусовых (часть аристократии юртовцев, сохранившая мусульманство, но утратившая по уложениям 1811–1835 гг. свои привилегии) и Жингуржиных (ранее, по архивам, – Джангуршины, Ямгур(ч)еевы, потомки последних астраханских ханов и родня ногайских биев по женской линии), проживающие на Мошаике, одного поколения хорошо знакомые между собой, и знающие об *ауля*, в том числе и *Тукли-баба*, при нашей встрече даже и не подозревали о своих родственных связях с ним¹¹.

Также *ауля «Тукли-баба»* было почти не известно карагашам – кочевым ногайцам кубанского происхождения, переселившимся в Астраханскую губернию из калмыцких улусов в конце XVIII в. (хотя собственно «ногайцами» считают себя ныне в Астраханской области именно они). В новых местах своей полукочевой жизни карагаши почитали другие, более близкие по расстоянию *ауля*, в том числе сначала (наравне с юртовцами) ордынское *Джигит-адже*, а теперь (вместе с казахами) *ауля Сеит-баба – Букей-хан*.

Таким образом, культы *ауля* под Астраханью (традиция их почитания, наименования) могли передаваться «эстафетой» от этноса к этносу – от древних кыпчаков к ногайцам разных групп, затем к нижневолжским казахам-букеевцам, татарам-мишарям, имеющим тоже кыпчакполовецкий пласт своего этногенеза. Можно также наблюдать и некоторую «этническую, региональную избиратель-

ность» в поклонении отдельным *ауля* (как, к примеру, в случае с «кавказским» *ауля Махмуд-ишан, эфенди*).

Приобретает новый облик и современные функции *ауля Сеит-баба – Букей-хан* (освящал его сам муфтий мусульман Астраханской области), все больше интереса проявляется к лечебным свойствам *ауля Ёрyak (Ёрдyak)-адже*. Прежние многовековые традиции возобновляются, причем они своеобразно трансформируются в современных жизненных условиях.

Подводя итоги, можно утверждать, что внутри сложившейся в несколько исторических этапов, малоизученной пока системы культа *ауля* на Нижней Волге образовалась и своя специфическая ономастическая структура.

Древняя тюркская ритуальная терминология (*ёрэк* и др.) сохранилась здесь отчасти, а арабо-мусульманская – «тюркизировалась»: понятия *тарат, зиярат*, «барак» обрели иное значение. Характерен и сам термин *ауля* (араб. *эвлие*) – общераспространенная астраханско-тюркская диалектальная особенность (склоняется на русском языке), как и тюрко-мусульманский контаминант *адже*.

Как наличие по соседству священных мест (*Мошаик – машайх, Адже-тюбе*), так и имя и прозвище похороненного святого (антропоним) часто давали название кладбищу, окружающей местности (микротопоним) или даже населенному пункту (ороним). В других случаях, «возвышенное место», считавшееся наиболее подходящим для размещения *ауля*, могло получать связанное название (холм, обозначенный как *ак-бараклы* – «жертва белого цвета»). Цветообозначения вообще распространены в культе *ауля*, но к их глубинной семантике еще предстоит обратиться в последующих исследованиях.

Нижеволжский исламский, «альтернативный» культ святых мест – *ауля* (примогильно-суфийский, в своей основе) составляет перспективный и многогранный объект

для изучения усилиями и средствами ряда гуманитарных наук, и особенно – комплексных дисциплин, в числе которых выделяется ономастика и ее конкретные направления.

¹ Подробнее см.: *Викторин В.М.* Ауля и мужавират (Следы доисламских верований у ногайцев окрестностей Астрахани) // *Половецкая луна. Общ.-политич. и лит.-худож. журнал.* Черкесск, 1993. № 3 (7). С. 86–92.

² *Викторин В.М.* Могилы астраханских святых. Перечень святых мест за 1988 г. // *МИГ. Независимая газета Астр. обл.* № 17 (980). 2001, 26 апреля – С. 7. Позже, в 1999–2000 гг. студенту, ныне аспиранту истфака Астр. ун-та А.В. Сызранову удалось найти еще 2 списка и несколько локальных, ранее не известных *ауля*.

³ *Махмудов М.И.* Жизнеописание (Свой добрый век мы прожили как люди и среди людей). Рукопись. Астрахань, 1968–1988. С. 35–38, 47–48. Хранится в Госархиве Астраханской области (коллекция историко-краеведч. документов). Ф. Р–1926. Оп. 2. Д. 20.

Автор «Жизнеописания» – Ибрагим Махмудович Махмудов, выпускник медресе и солдат-красногвардеец из беднейших юртовцев Зацарева, первый руководитель «Наримановского татаро-ногайского национального» района в округе Астрахани (именовался как «национальный» в 1931–1943 гг.), тонкий знаток традиций, обычаев, обрядов родного народа (хотя имена иных *ауля* в изложении были уточнены по спискам).

⁴ *Пятницкий В.Д.* Карагачи (По материалам поездки в 1927 г.) // *Землеведение. Географич. журнал им. Д.А. Анучина.* Т. XXXII. Вып. 3–4. М., 1930. С. 160, 169; *Матю-*

рин Н.М. Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь: язычество – ислам – православие – сектантство. М., 1929. С. 88–90, 363. Об ауля с золотоордынской традицией см. также: Татищев В.Н. Записки. Письма. 1715–1750 гг. (серия «Научное наследство». Т. XIV). М., 1990. С. 284–285, 401–402; Алексеев В.Н. Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV–XVIII вв. Сталинград, 1936. С. 216, 244.

⁵ Описано И.М. Махмудовым. Топоним *Тарат* был установлен в ходе полевой работе А.В. Сызрановым; этимологизирован и истолкован автором.

⁶ Обо всем этом подробно: Викторин В.М. Тукли-баба Шашлы-адже – святое место астраханских мусульман // Этнографическое обозрение. 2003. № 3. С. 50–61.

⁷ Татищев В.Н. Указ. раб. С. 284.

⁸ Маторин Н.М. Указ раб. С. 88.

⁹ Животворная энергия Сеид-бабы // Волга. Обл. независимая газета. г. Астрахань. 1995. 1 марта. № 41 (22508). С. 3.

¹⁰ Джуманов Р.У. На могиле святых // Коммунист Приволжья. Районная газета, пос. Началово. 1991. 10 августа. № 91 (1595). С. 2.

¹¹ Полевые материалы, собранные автором в Ленинском районе г. Астрахани и Приволжском районе Астраханской области в конце 1980-х гг. Информаторы: Туктамыш Ага-Каримович Жингуржин (1926 г. рожд.), Исбулат Акмирзаевич Урусов (1926 г. рожд.). г. Астрахань, аул Мошаик. 20 мая 1987 года.